

СЛОВА И СМЫСЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

WORDS AND MEANINGS: MODERN APPROACHES

**Yu. Klyueva
V. Kuzminov
A. Shvetsov**

Summary: The article dwells on the problem of knowledge representation structures and procedures of their processing as well as the nature of procedures regulating language perception; categories of meaning, sense, conceptual content of cognitive units which as such form perception of the word by man and are an integral part of concepts, cognitive schemes (frames), scenarios (episodes), prototypes, etc. The authors also attempt to bridge the gap between fruitful ideas of the past and today discussions.

Keywords: meaning, sense, representation, internal form of the word, frame, situation model, concept, prototype, encyclopedic knowledge, metaphor.

Клюева Юлия Семеновна

к.э.н., доцент, Институт пищевых технологий и дизайна, филиал ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», Нижний Новгород
juliya_klyueva@mail.ru

Кузьминов Владислав Геннадьевич

к.филол.н., доцент, Институт пищевых технологий и дизайна, филиал ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», Нижний Новгород
vladislav1803@mail.ru

Швецов Алексей Александрович

Ст. преподаватель, Институт пищевых технологий и дизайна, филиал ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», Нижний Новгород
saintnevsky@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема структур репрезентации знаний и процедур их обработки, вопрос о природе процедур, регулирующих языковое восприятие, категории значения, смысла, концептуального содержания когнитивных единиц, которые в этом качестве формируют восприятие мира человеком и входят в состав концептов, когнитивных схем (фреймов), сценариев-скриптов, прототипов и т.д. Делается попытка перекинуть мостик от плодотворных идей, выдвинутых в прошлом, к дискуссиям сегодняшнего дня.

Ключевые слова: значение, смысл, репрезентация, внутренняя форма слова, фрейм, ситуационная модель, концепт, прототип, энциклопедическое знание, метафора.

В замечательной книге «Память» В. Чивилихина, в разделе, посвященном «Слову о полку Игореве», есть рассуждение, имеющее не только литературоведческое значение: «Слово» «...соединило в очень сжатом тексте признаки былины, сказа, плача. <...>. Непосредственно в определении жанра данного произведения раскрывается семантика лексемы «слово» в своём невероятно богатом содержании. – целых двадцать восемь значений выделил И.И. Срезневский в старорусском языке! Между тем, «Слово» органически целостно в своём внутреннем содержании, полно некоего семантического единства <...>. В поэме живет душа слова <...>. «Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?» Нежное соприкосновение слов друг с другом, плавный строй речи с аллитерационной полурифмой, трогательный, милый образ русской женщины на городской стене <...>. Как трудно бывает найти слово, более или менее точно выражающее мысль, оттенки чувств и настроений, а в поэме все усложнено многозначностью художественных тропов, предельной сжатостью формы, глубочайшей историчностью содержания.» [22, 73-74]. Есть ли у слова «душа» и как она сопрягается с душой че-

ловека, это слово изрекающего? – вопрос далеко не риторический. В основе современной «культуры отмены», растабуирования всего вся, расчеловечивания в широком смысле лежит именно обесцененное и затертое, обесцененное слово. И вот уже радикальные цифрократы собираются сдать в утиль душу человеческую вместе с питающим ее словом, отдавая пальму первенства цифровому интеллекту. Когнитивная лингвистика, как одно из стремительно продвигающихся направлений лингвистики подходит к изучению значения как наиболее содержательного для неё понятия на новом историческом витке. Значение слова, языковое знание и знание экстралингвистическое исследуются в их взаимосвязи. На этом делает акцент когнитивная семантика. Язык и знание о мире находятся в весьма сложных отношениях. В первых, язык и речь, являясь, несомненно, формой обнаружения, проявления, структурирования, объективации ментальных процессов, не исчерпывают всего объема информации, содержащейся в голове человека. Даже в субъективном знании и опыте есть нечто, выходящее за рамки сугубо личностного знания и опыта. Феномен *déjà vu* касается не только узнавания конкретных мест, собы-

тий, лиц, но и знания достаточно абстрактных вещей, самым загадочным образом оказавшихся в памяти человека. Во-вторых, имеются такие пласты психики, как, например, интуиция, инсайт, воображение, которые принципиально не могут быть вербализованы. В-третьих, извлекаемая из памяти информация оказывается вросшей достаточно глубоко в схемы памяти. Новая информация, воспринимаемая нами, интегрируется с ранее усвоенной в зависимости от подсудно содержащихся в сообщении факторов, включая импликации, пресуппозиции, намерения. Типы знания подразделяются на вербальные и невербальные, лингвистические и энциклопедические. Разграничение этих знаний, равно как и установление взаимосвязей между ними, вопрос чрезвычайно важный. Об этом пишут Дж. Фодор, К. Эммори, Ф. Фромкин и др. Долгие десятилетия представители структурализма, которые занимали господствующее положение в лингвистике, отрицали зависимость значения слова от имеющихся у говорящего знаний о действительном положении дел в мире реальном или воображаемом, однако исследования последних лет показали, что посредством языковых значений передается лишь часть знаний о мире. Тогда как различные концепты, обладающие различной степенью абстрактности и, соответственно, сложности содержат основную долю знаний о мире, более того, новые характеристики, требующие новой вербализации, также могут в них вноситься. [1, 27]. В русле когнитивной парадигмы происходит переориентация ценностей, уже сформировавшихся, также наблюдается пересмотр традиционных философских, логических, психологических и лингвистических проблем, всё это наряду с попыткой переосмыслить с когнитивной точки зрения суть и природу многих языковых процессов. Язык – это основной (но не единственный) способ общения и концептуализации знаний; он тем самым становится существенным компонентом значения языковой формы, структура значения и есть структура представления знаний. Вместе с тем, человек мыслит, помнит, чувствует и знает значительно больше и предметнее, чем может выразить словами любого национального языка. В языке нет ничего, чего бы не было в мыслях, но не наоборот. Помимо репрезентации чувственно воспринимаемых объектов знание включает в себя: 1) концепты и связи концептов; 2) операционные правила, относящиеся к использованию и манипулированию этими ментальными системами; 3) правила для объективации, выражения указанных процессов в вербальной форме. Таким образом, значительный пласт знания стоит за каждым словом. В свою очередь такие знания могут являться знаниями о концептах событий или классов ситуаций, о концептах объектов, также как и о таких концептах, которые согласуются с пониманием последовательности событий. У Чейфа разбирается представление о том, что посредством изучения строения языка происходит изучение структуры знания. Об этом же мы читаем у Х. Карстона [24, 38-68]. Идеей, объединившей исследователей многих направлений, стало представление о том, что

знания организуются благодаря определенным когнитивным моделям. Эти модели-структуры могут называться по-разному: фреймовая семантика Ч. Филлмора и М. Минского, когнитивная грамматика Р. Лэнекера, теория ментальных пространств Ж. Фоконье, теория прототипов Э. Рош, теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теория ситуационных моделей Т. Ван Дейка. Последний, в частности, подчеркивает (и это весьма важно), что ситуационные модели возникают на основе персональных знаний представителей языковой общности, как квинтэссенции их намерений, установок, чувств и эмоций и, безусловно, опыта, а не на абстрактных знаниях, подобных тем, что составляют основу сценариев и фреймов, описывающих события и ситуации, которые стереотипны [5]. Поэтому процесс организации знаний не жестко алгоритмичен, а представляет собой гибкую стратегическую процедуру, основывающуюся не на последовательном анализе отдельных уровней языка – от синтаксиса к прагматике, от слов к предметам, от слов к предложениям – а на комплексном описании. Само же мышление представляет собой процесс манипулирования внутренними (ментальными) репрезентациями [15, 5]. В процессе коммуникации, письменной и устной, мы имеем дело с материальными предметами/вещами, из которых состоит наш мир, наша материальная действительность. И эти вещи человек воспринимает с помощью ограниченного количества своих органов чувств. Здесь уместно вспомнить слова В. Даля о вещи и её свойствах: «Всякая наука, каков бы ни был её предмет, изучает вещи, их свойства и отношения» [20, с.3]. Также по Далю, «... в широком смысле вещь – это всё то, что доступно чувствам» [20, с.5]. Упрощённо говоря, эти вещи или предметы обладают своими исконными/имманентными качествами/свойствами и на основе этих качеств они вступают в те или иные отношения/связи с другими им «родственными/совместимыми» предметами. Иным словами – наша материальная действительность содержит лишь предметы, взаимодействующие друг с другом. «Взаимодействующие» – то есть вступающие в те или иные «межпредметные отношения» друг с другом, и эти отношения определяются имманентными/неотъемлемыми качествами/свойствами этих предметов. Воздействия одного класса предметов на предметы других классов обусловлены природными качествами, которые присущи предметам данного класса. (Возможны и предметы, качества которых привиты предмету самим человеком.) Для нас эта мысль о важных качествах вещи очень важна. Если вещь теряет это имманентное качество, тогда она превращается в другую вещь. Была вещь, именованная «человеком», а превратилась в вещь, которой присвоили имя «кентавр» (человеко-коть). Если же взять текстовую ситуацию вида «Турист в зеленой шляпе сошёл с поезда. ... Потом зелёная шляпа долго пила пиво в станционном буфете», то читатель должен трактовать «зелёная шляпа» не как новую вещь, а как случай замены или замещения одного лингвистического знака другим знаком – без привнесения какого-либо ущерба смыслу

сообщения. Такое замещение, по-видимому, следует считать специальным стилизованным приёмом. Возможно, что процесс замещения выполняется под действием лингвистического закона наименьших усилий (the least-effort law). До сих пор остаётся проблемным вопрос относительно того пласта естественного языка, который можно обозначить как механизм межличностной коммуникации, а именно то, что имел в виду автор высказывания, делая это высказывание, и то, как это высказывание понимается адресатом. Язык, как система систем, состоит из ограниченного набора систем, а в каждой такой локальной системе содержится ограниченное количество описательных категорий. Лингвистическая же категория сформирована для описания и представления материальных предметов и отношений между ними. А что касается самого материального мира, то он бесконечен. И в этом мире нам на сегодня известно лишь конечное число изученных предметов и конечное число изученных отношений. Таков современный взгляд на бескрайность мира вещей и на ограниченность языковой системы. Отсюда и наше восхищение тем, как это происходит, как с помощью ограниченных языковых средств естественный язык умудряется более-менее оптимально описывать всю сложность материального мира. Знание языка предполагает способность приписывать значения вещам при высказывании новых предложений, а также способность слышать высказываемые новые предложения и понимать то, что автор имел в виду, высказывая их. Данное утверждение предопределяет необходимость изучения сложного и огромного пласта языка, с которым связаны, например, такие проблемы как проблема presuppositions и импликации, которые не просматриваются при изучении элементов языка в качестве отдельных, изолированных, не связанных фактов. В целом ряде работ, изданных в последние два-три десятилетия как на Западе, так и в России, мы встречаемся, например, с понятием «концепт», который определяется как некий «квант» знания. Концепт выполняет две важнейшие функции. Во-первых, это оперативная единица сознания, во-вторых, это значение языковых знаков как идеальных сущностей, схваченных языком. Другими словами, это и внутренняя ментально-когнитивная информация и, с другой стороны, это лексическая подсистема со своей структурой. Такая трактовка заставляет смотреть на язык как на «живое» знание. Слово через призму концепта трактуется как, по выражению А. Залевской, «Имя вещи», а не как «имя Вещи». Она считает, что слово играет роль лазерного луча при считывании голограммы [6]. Можно сформулировать это и так, как сформулировал в свое время Н.И. Жинкин: в языке нет интеллекта, а у интеллекта нет памяти слов – они пребывают в разных сегментах головного мозга. Исключительно логико-рациональный анализ при таком подходе уже не срабатывает; приходится постоянно наталкиваться на удивительное когнитивное свойство человека - воображение, продуцирующее опорные образы или лишь предлагающее соответствующий намёк, способное достраивать катего-

риальные схемы, активизирующее эвристический поиск. Нередко влияние этого «плавающего» поиска на совокупный языковой опыт носителей языка не менее значим, чем влияние стандартизирующих языковых институтов.

Когда группа людей (скажем, сто человек или тысяча) бросает взгляд на один и тот же предмет, то в лингвистическом сознании каждого участника этого эксперимента возникает индивидуальный лексический образ обозреваемого предмета – материальный предмет отобразился в системе лексической семантики. Но это отображение – личное или индивидуальное, оно обусловлено индивидуальными особенностями психики данного человека. Сложение или объединение тысячи таких образов, полученных при взгляде на один и тот же предмет, «спрессовывание» этого множества «почти что» одинаковых образов порождает, в конце концов, некий общий образ – этот обобщённый образ можно назвать «концептом» данного предмета. Возникший общий образ мы могли бы назвать «неодушевлённым» (если, по нашему мнению, у обозреваемого предмета отсутствует «душа»). Если же тысяча человек обратит свой взор на другой предмет и сочтёт, что у наблюдаемого предмета имеется «душа», тогда возникший образ мы назовём «одушевлённым». Согласимся, что сейчас оперируем очень высокими абстракциями, но эти абстракции «прячут над» самим материальным предметом гораздо ближе, чем, скажем, синтаксические абстракции – синтаксические абстракции являются обобщением лексических абстракций, синтаксические абстракции «прячут над» лексическими. Поэтому термин «надлексичность» грамматических категорий нам кажется весьма удачным.

Функция языка, таким образом, не сводится только к названию, денотации, констатации объектов или явлений. Освоение человеком материального мира происходит через призму языковых и логических единиц, качественно различающихся степенью абстракции. Логическая абстракция осуществляется на базе лексического значения слова и выражается в нём, а грамматическая – на базе класса лексических значений [3; 117-124.], т.е. с отвлечением от какой бы то ни было конкретности слова [16]. И если логическая абстракция развивается в процессе познания действительности, то грамматическая абстракция развивается в процессе речевого общения; логическая представляет собой отвлечение от предметов действительности, а грамматическая – отвлечение от словесных лексических значений; в формировании логических абстракций очень заметна роль личности, хотя и здесь она не является ни определяющей, ни ведущей; в формировании грамматических абстракций роль личности никак не выражена, грамматика всегда была и остаётся результатом групповой мыслительной деятельности [3, 124]. Таким образом, грамматическая абстракция является надлексической, обобщающей, у Ю.С. Степанова она названа классифицирующей

[17]. Проблема нахождения формализованных методов изучения лексического значения, которые определяли бы значение через языковые элементы и отношения между ними, еще ждет своего решения. Л. Барсалоу (Barsalow) показывает, что простой перечень признаков является недостаточным для анализа значения слов и в противовес одноуровневому исследованию предлагает комплексный набор показателей («заполнителей») по разным параметрам (attribute value sets). Признак становится параметром, если он используется для характеристики другого действия или объекта. Например, одинаковые по параметрам цвета и формы объекты могут различаться по показателям (values) параметра размера или местоположения. Комбинация наборов параметров фиксирует ядро определенного фрейма как способа репрезентации концепта. [23, 21-74]

Дж. Кац и Дж. Фодор [26], возможно, не столько создали новую теорию, сколько оживили и наполнили новым содержанием подзабытые аристотелевские подходы к трактовке значения, что, в частности, проявляется в их интерпретации синтаксических маркеров, семантических маркеров и различителей (distinguishers). Особо следует отметить их акцент на комбинаторно-контекстуальном характере лексического значения. Также чрезвычайно важен второй пласт их теории, связанный с так называемыми проективными правилами (amalgamation), нацеленными на установление связи между значением и синтаксической структурой. Хотя их теория оставила в стороне такие установленные факты, как различие между первичным и вторичным значениями; в ней не рассматриваются коннотативные (transferred) значения, равно как широко распространенные в языке метафоры. Современная когнитивная наука базируется на том представлении, что эмпирическое знание сопрягается с наличным опытом. Более того, реальные частицы мира приобретают как бы тропеические черты в картине мира, отражающейся в языке. В этом смысле мы говорим о метафоризации как способе познания и объяснения мира. Это одна из ключевых ментальных операций, в которой новое знание осмысливается и сигнифицируется через старое. Метафора, троп при этом не столько способ выражения мысли, сколько сам способ мышления. Роль языка заключается прежде всего в кодировании уже готовых концептов, но при этом человек порождает новые смыслы, сопоставляя новую информацию с той, которая уже имеется в его сознании. К инструментам оперирования смыслами относятся оперативные единицы памяти – фреймы (стереотипные ситуации, сценарии), концепты (совокупности всех смыслов, схваченных словом), гештальты (целостные допонятийные образы фрагментов мира) и т.д. Кроме того, языковые концептуальные структуры чаще относятся к возможному, воображаемому, нежели чем актуальному опыту индивидов. Однако дать ответ на вопрос: каким образом возникают концепты в сознании и чем объясняется их

пластичность, неуловимость, диффузность – не представляется возможным. Разграничение же понятий и концептов представляется плодотворным. Е.С. Кубрякова подчёркивает, что внутренний лексикон – это не просто «склад единиц», хранилище лексических единиц с фиксированным значением, но скорее действующая система, в которой каждая единица записана с инструкцией по её применению, с данными о её оперативных возможностях, при том по всем мыслимым линиям её употребления (прагматическим, чисто формальным, семантическим) [9]. А. Стернин и Т.В. Быкова выделяют 3 разновидности концептов: представления, гештальты и понятия [18, 56-58]. Под гештальтом Дж. Лакофф, например, понимал особые глубинные единицы языка, лежащие в основе восприятия действительности; они придают направление познавательным процессам, определяют специфику и характер моторных актов. Они также способствуют целостному, холистическому схватыванию ситуации, и лишь после этого начинается процесс движения к частному. Гештальты относятся к области трансцендентного, они лежат за гранью высказываемого, однако органично с ним связаны. Типичными гештальтами являются концепты типа «очередь», «игра», «деньги», «любовь», «судьба», «искренность». Фреймы и сценарии выполняют функцию организации структуры данных; в них аккумулируются знания об определённых стереотипных ситуациях или классах событий. Во фреймовой семантике фрейм даёт представление о том, какой вид знаний существенен для описания фрагмента мира или возможных миров. Фрейм играет исключительную роль при организации больших объёмов информации. Понятие «фрейм» широко используется в современной науке: в психологии, социальной психологии, теории познания, педагогике и т.д. Не является исключением и когнитивистика или когнитивная лингвистика. Одним из первых авторов, кто стал использовать этот термин, был Чарльз Филмор. «Фреймом», - писал он – можно считать набор слов, каждый из которых обозначает определённую часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого» [21, 49] Следует отметить, что у фрейма двойственная природа. Это и инструмент познания, некая внутренняя когнитивная информация, и, с другой стороны, фрейм – это структурированная лексическая подсистема [25]. В таком понимании фрейм сближается с понятием парадигмы, введённым в оборот Т. Куном в его известной работе «Структура научных революций» [10, 1975]. Фрейм - это не только структурированный корпус знания, лексическая подсистема, но и *инструментальная схема* работы с этим лексическим множеством. Научные представления о словосложении в значительной степени основываются на понятии *концепта* и представлениях о *структуре слова*. Слово без образа – безобразно, образ лежит в основе глубинной мотивации слова, составляет его «внутреннюю форму», по А.А. Потембне. А. Пайвио в своей известной книге «Ментальные репрезентации» [13] отстаивает точку

зрения двупланового или двухкодового представления информации. Суть её в следующем: мыслительные процедуры замыкаются не только на язык, но и на воображение, другими словами – на образ. Репрезентациями могут быть как материальные, так и чисто психические, воображаемые сущности. Среди физических репрезентаций он выделяет картиноподобные и языкоподобные репрезентации. К первым можно отнести фотографии, рисунки, карты, диаграммы; ко вторым – естественные человеческие языки и формальные системы (математические, символические). Первые характеризуются как имеющие аналитические, иконические, континуальные характеристики; вторые – условные, дискретные или, по Г. Фреге, пропозициональные. Следует сказать, что подобное разделение возможно лишь в теории, в действительности же человек мыслит мыслеобразами, эйдетическая (образная) память не низшая по отношению к логико-понятийному мышлению ступень, а его неотъемлемая часть. Даже в таких весьма абстрактных областях познания мира, как, например, квантовая теория, понятие образа присутствует. Физики описывают кварки, входящие в состав протонов, нейтронов, как сущности, обладающие «цветом» и «ароматом» – «прекрасные пурпурные», «очарованные синие». Можно далее с известными допущениями сказать, что образ выполняет функцию замещения при так называемой афазии – сбоях в механизмах речепорождения, т.е. в функционировании языка. Одним из первых к этой проблеме обратился в начале XX столетия Р. Якобсон, затем она рассматривалась в экспериментах А.Н. Лурии и его последователей. Оказалось, что в ряде случаев пациенты с афазией сохраняли не только способность мыслить и мыслить творчески, но и общаться с коллегами, доносить до них смыслы, а не значения с помощью рисунков, чертежей, планов и схем. Кроме того, лингвистическая антропология свидетельствует, что мышление первобытного человека, будучи алогичным с современной точки зрения, было в высшей степени абстрактным, может быть даже более абстрактным, чем мышление современного человека. И в основе этого дологического мышления лежал пусть и фантастический, но образ предмета, явления, действия, ситуации.

Понятие концепта в современной когнитивной лингвистике отражает динамическую, пульсирующую сторону познания. Для описания концепта используются метафоры «облака», «снежного кома», «плода». Независимо от своего типа концепт имеет базовый слой. Это определённый чувственный образ (е.g. автобус – жёлтый, тесно, трясёт; религия – Бог, храм, молящиеся люди, таинства /мистерии/ и т.д.) Этот образ – единица универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов), которая кодирует данный концепт для последующих мыслительных операций. Как считает И.А. Стернин, если концепт – это плод, то «базовый чувственный элемент будет его косточкой». В ряде случаев базовым образом покрывается содер-

жание концепта. В более сложных концептах дополнительные признаки наращиваются на базовый образ, создавая, так сказать, оболочку, мякоть плода. И этих признаков может быть достаточно много. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и слоёв определяет объём концепта и его структуру. Кроме ядра и мякоти концепт имеет, если продолжить метафору, кожуру, т.е. коннотативную часть – совокупность предикаций, отражающих отношение к концептуальным признакам и их совокупности в виде утверждений, установок сознания, характерных для данного концепта в рамках определенной культуры. [19].

Андерсон противопоставляет знание фактов и знание операций. Он пишет: «Хранимый человеческой памятью запас знаний шире, чем то, что увязывается с понятием ментального словаря» Выше мы упоминали Пайвио с его двухкодовой концепцией. Он выделяет имагены, то есть субъективный образ внешних явлений как продукт восприятий и представлений. Они характеризуются иконической природой и недискретностью. Единицами репрезентации вербальной системы являются логогены. Логогены отличаются от имагенов своей внутренней дискретной структурой так, что единицы более простые объединяются в единицы более сложные в определённой последовательности [13].

Далее, многие теории решают вопрос о принципах организации понятий в более сложное объединение и об отношениях, которые складываются между разными понятиями. В настоящее время предлагается несколько версий сетевого представления таких связанных между собой концептов: синтаксические сети (А. Коллинз, М. Куильяна), семантически-импликационные, идентифицирующие, интеракционные и т.д. Возникла целая концепция признакового пространства, моделей тех операций, благодаря которым тот или иной объект причисляется к определённой категории. Основательный обзор моделей представления в памяти содержится в работе М. Таненхауза. [29, 1-37]

Когнитивная система человека определяется как система обработки информации. Для информационно-поискового подхода характерно изучение моделей работы памяти, когда последовательность событий описывается через серию трансформаций, которые претерпевают внешние сигналы. Появились работы по семиотической памяти. М. Куильян в качестве структуры знания использует пропозициональные сети. В этом же русле выстраивают свои размышления Р. Шенк и Т. Виноград. То есть понимание языка осуществляется на основе знаний о мире. Какие знания о мире и в какой степени необходимы человеку, насколько упрощается понимание языка благодаря знанию синтаксических структур, грамматических правил и лексикона. На этот счёт сложились две кон-

цепции: С.Д. Кацнельсон, в частности, полагает, что совокупность знаний о мире и внутренний лексикон (то есть знание о языке) – это два принципиально разных механизма мозга. Сторонники второй концепции полагают, что принципиального различия между ними не существует. Декодирование смысла высказывания – несравненно более сложный процесс по сравнению с декодированием смысла слова. Если речь идёт о высказывании относительно события, когда структура предложения достаточно проста и набор синтаксических кодов невелик, то декодирование может и не быть сложным: «лес рубят», «поезд ушёл», «собака лает» и т.д. Когда же речь заходит о декодировании фразы или предложения, смыслом которых является отношение, то дело приобретает более сложный характер. Трудности возникают при декодировании конструкций со смысловой инверсией. Без сложной аналитико-синтетической работы эта задача вряд ли может быть решена. Не менее сложной является расшифровка художественного текста. Мы идём от внешнего текста к внутреннему смыслу, который, как правило, прямо не выражен, а сокрыт. Специфика художественного текста проявляется уже в идиоматических выражениях, пословицах и баснях. Непосредственный, поверхностный их смысл не имеет ничего общего со смыслом глубинным. Речь ведь не идёт об описании каких-то эпизодов, событий из жизни конкретных растений, животных или людей. Смысл – в тех отношениях морально-ценностного характера, которые они раскрывают. Можно сказать, что исторически каждое слово имеет первоначальный смысл, который по мере развития цивилизации обрастает переносными значениями. Слово начинает использоваться как метафора, знак, символ уже иного, порой противоположного исходному смысла. Более того, метафора не только отражает жизнь, но и творит ее. «Нос майора Ковалева», «облако в штанах» – уже не столько тропы, но и совершенно новые смыслы. Слово-многослойно, это факт. Но слово ещё и иерархически многослойно. Если наборы значений слов в разных языках могут более или менее совпадать, то не так обстоит дело с ценностной иерархией значений, которая может быть в пределе не только различной, но принципиально различной. В. Набоков, известный не только как автор скандальной «Лолиты», но как писатель, писавший на чужом языке как на своем родном, во время своих лекций, читавшихся на английском, два слова всегда приносил по-русски – правда и истина.

Мы предлагаем для описания термина две классификации – классификацию синтактико-семантических признаков и классификацию лексико-семантических признаков. Формирование любого признака, будь то

синтаксической природы, либо же лексической – мы хотим назвать термином *featuring*, что означает процесс распознавания особенностей и черт. Формирование признака – это строительство объёма содержания/значения признака. Чтобы отделить смысл одного признака от другого, нам следует применять некую формализованную трансформацию одной внешней формы выражения признака в другую форму – при трансформировании содержание признака не извращается. В этом месте нашего обсуждения логико-лингвистических проблем напрашивается следующая аналогия из материальной действительности: у некоторых африканских племён признак «мужчина» присваивается тем молодым людям, кто способен перепрыгнуть двухметровую каменную стену. Закон суров: «Хочешь жениться – перепрыгни стену». Содержание признака «быть мужчиной» неожиданно соотнесено совсем с иным признаком человека – умением лишь прыгать в высоту. Можно предполагать, что значимость этого умения была определена подготовкой племени к войне, и пониманием того, что в прыжках в высоту работают все органы человеческого тела. Осмыслив материальную действительность, т.е. выделив компоненты материальной деятельности человека, мы, как сказал Г.О. Винокур, «приступим к попытке перевода» этих материальных «категорий на язык грамматики». То есть этот процесс усвоения материальной действительности нами мыслится следующим образом: человек, получивший от природы органы чувств, воспринимает данный материальный предмет/вещь. Точнее, в сознании человека возникает образ этой вещи, этому образу мгновенно системой языка присваивается имя/именование/слово/словосочетание. Слово как лингвистический предмет обладает предметным/вещественным значением и грамматическим значением. Предметное значение первично, а грамматическое значение вторично, ибо объём грамматического значения (например, инструментальность) формируется на основе лексического значения (например, живой/неживой, ручной процесс, механический процесс, интеллектуальный процесс).

Для чего это мы делаем? Для того, чтобы показать как язык своими лингвистическими средствами выражает материальную действительность в терминологическом знаке. Иными словами, как логика трудовой деятельности человека отражается в лингвистическом знаке.

Разные семантики предлагают различные подходы к осмыслению знаний: процедурный, фреймовый, вычислительный; дискурсивный же анализ связан с разработкой идеей относительно когнитивных механизмов понимания дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2001.
2. Выготский, Л.С. Проблема сознания / Л.С. Выготский Собр. Соч.: В 6 т. Т.1 – М.: Педагогика, 1982.
3. Головин Б.Н. К вопросу о сущности грамматической категории (на материале русского языка) // Вопросы языкознания, 1955. №1. – С. 117-124.
4. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. №1.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Залевская, А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова/А.А. Залевская.- Москва-Берлин, 2014.
7. Камчатов, А.М. А.А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме слова/ А.М. Камчатов//Русский филологический вестник. 1998. №1/2.
8. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. / И.И. Карасик – М: Гнозис, 2004. – 390 с.
9. Кубрякова, Е.С. Память и её роль в исследовании речевой деятельности // Сборник научных трудов «Текст в коммуникации» - М. 1981.
10. Кун, Томас. Структура научных революций. — М., 1975.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. - Москва, 1990. –С. 387-415.
12. Лурия, А.Р. Речь и мышление. Материалы к курсу лекций по общей психологии /А.Р. Лурия. – М.: IV Изд-во Московского университета, 1975.
13. Paivio A. Mental Representations: A dual coding Approach. N.Y.: Oxford University Press, 1986. 336 p.
14. Петров В.В. Язык и искусственный интеллект: рубеж 90-х годов//Язык и интеллект. /В.В. Петров – М.: Прогресс, 1996
15. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. - М.: ФЛИНТА, 2008 – 176 с.
16. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. –М.: изд-во лит-ры на ин. яз., 1957. – 286с.
17. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. –271с.
18. Стернин, И.А., Быкова, Т.В. Язык и национальная картина мира. /И.А. Стернин, Т.В. Быкова.- Воронеж: Истоки, 2002.
19. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Научное издание под ред. И.А. Стернина. – Воронеж.: Воронежский государственный университет, 2001, с. 58-64.
20. Уёмов, А.И. Вещи, свойства и отношения. –М.: изд. АН СССР, 1963. – 184с.
21. Филмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 14. - Проблемы и методы лексикографии.- М. 198, с.23-60.
22. Чивилихин, В. Память / В.Чивилихин – Роман-газета. №4(1010), 1985.
23. Barsalow, L.W. Frames, Concepts and conceptual fields. Text.Hillsdale, 1992
24. Carston Н. Language and condition//Linguistics: The Cambridge Survey-vol.3 Language 1988 pp/38-68
25. Chomsky Noam Studies on Semantics in Generative Grammar: De Gruyter Mouton, December 1, 1980
26. Katz J.J., Fodor J.A. The Structure of Semantic theory. Language.39.1963
27. Lacoфф G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago London:The Univ. of Chicago press, 1990
28. Fillmore Ch.J, Atkins B.T. Toward a frame-based lexicon: The semantics of of Risk and its neighbors// Frames, Fields, and Contrasts/ Leher A., Kittay E., eds., Hillsdale,N.Y, 1992.
29. Tanenhaus V/ Psycholinguistics/ fn interview/Linguistics- vol/3 p1-37
30. Какие два слова Набоков считал непереводаемыми с русского языка на английский. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: ok.ru/group.532260011793112/topic/150974162023256, свободный (дата обращения 11.07.2022).

© Ключева Юлия Семеновна (juliya_klyueva@mail.ru), Кузьминов Владислав Геннадьевич (vladislav1803@mail.ru),
Швецов Алексей Александрович (saintnevsky@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»